

МАРК
ШАГАЛ

Моя жизнь

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Ш 15

Marc Chagall

MA VIE

Copyright © Editions Stock, 1928, 1957, 2003

Published by arrangement with Lester

Literary Agency & Associates

Перевод с французского Натальи Мавлевич

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Шагал М.

Ш 15 Моя жизнь / Марк Шагал ; пер. с фр. Н. Мавлевич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 224 с. : ил. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-19875-3

«Моя жизнь» — автобиографический роман, документально-поэтическое повествование, написанное Марком Шагалом, великим художником, чья жизнь волей исторических сдвигов разделилась между Витебском и Парижем, между Россией и Францией. Перевод на русский (исправленный для настоящего издания) принадлежит Наталье Мавлевич, лауреату премии «Мастер».

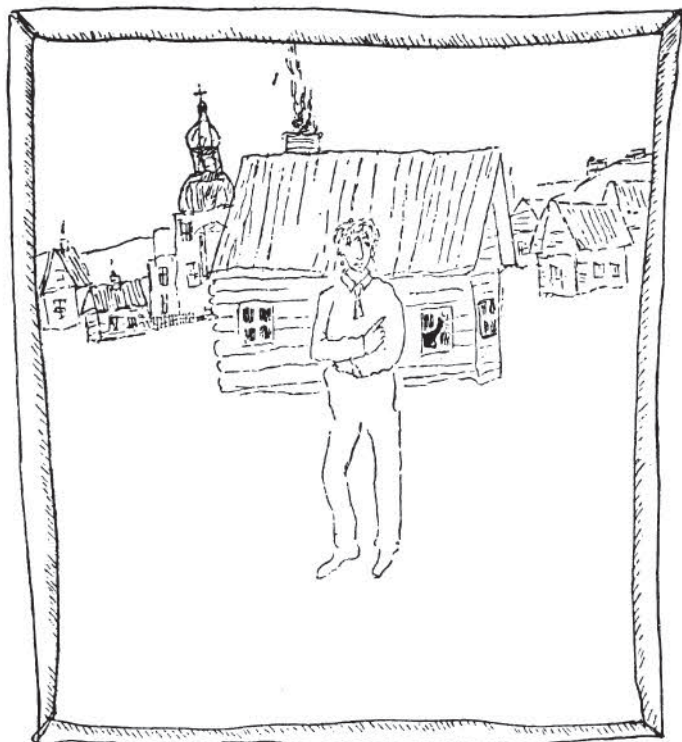
УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

- © Н. С. Мавлевич, перевод, 1994, 2025
- © Н. В. Апчинская (наследники), послесловие, комментарии, 1994, 2009
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19875-3

Моим родителям, жене, родному городу

КОРЫТО — ПЕРВОЕ, ЧТО УВИДЕЛИ МОИ ГЛАЗА. Обыкновенное корыто: глубокое, с закругленными краями. Какие продаются на базаре. Я весь в нем умещался.

Не помню кто, скорее всего, мама рассказывала, что, как раз когда я родился — в маленьком домике у дороги, позади тюрьмы на окраине Витебска вспыхнул пожар.

Огонь охватил весь город, включая бедный еврейский квартал.

Мать и младенца у нее в ногах, вместе с кроватью, перенесли в безопасное место, на другой конец города. Но главное, родился я мертвым.

Не хотел жить. Этаким, вообразите, бледный комочек, не желающий жить. Как будто насмотрелся картин Шагала.

Его кололи булавками, окунали в ведро с водой. И наконец он слабо мяукнул.

В общем, я мертворожденный.

Пусть только психологи не делают из этого каких-нибудь нелепых выводов. Упаси Бог!

Между прочим, дом на Песковатиках — так назывался наш район — цел и сейчас. Я видел его не так давно.

Когда у отца появились средства, он сразу дом продал. Мне эта халупа напоминает шишку на голове зеленого раввина с моей картины или картофелину, упавшую в бочку с селедками и разбухшую от рассола. Глядя на нее с высоты нового «величия», я морщился и думал:

«Как же я здесь ухитрился родиться? Чем здесь люди дышат?»

Когда мой дед, почтенный старец с длинной черной бородой, скончался с миром, отец за несколько рублей купил другое жилье.

Там уже не было по соседству сумасшедшего дома, как на Песковатиках. Вокруг церкви, заборы, лавки, синагоги, незамысловатые и вечные строения, как на фресках Джотто.

Явичи, Бейлины — молодые и старые евреи всех мастей трутся, спуют, суетятся. Спешит домой нищий, степенно вышагивает богач. Мальчишка бежит из хедера. И мой папа идет домой.

В те времена еще не было кино.

Люди ходили только домой или в лавку. Это второе, что я помню, — после корыта.

Не говоря о небе и о звездах моего детства.

Дорогие мои, родные мои звезды, они провожали меня в школу и ждали на улице, пока я пойду обратно. Простите меня, мои бедные. Я оставил вас одних на такой страшной высоте!

Мой грустный и веселый город!

Ребенком, несмышленишем, глядел я на тебя с нашего порога. И ты весь открывался мне. Если мешал забор, я вставал на приступочку. Если и так было не видно, залезал на крышу. А что? Туда и дед забирался.

И смотрел на тебя сколько хотел.

Здесь, на Покровской улице, я родился еще раз.

Вы когда-нибудь видели на картинах флорентийских мастеров фигуры с длинной, отроду не стриженной бородой, темно-карими, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жженой охры, в морщинах и складках?

Это мой отец.

Или, может, вы видели картинки из Агады — пасхально-благодные и туповатые лица персонажей? (Прости, папочка!)

Помнишь, как-то я написал с тебя этюд. Твой портрет должен походить на свечку, которая вспыхивает и потухает в одно и то же время. И обдавать сном.

Муха — будь она проклята — жужжит и жужжит и усыпляет меня.

Надо ли вообще говорить об отце?

Что стоит человек, который ничего не стоит? Которому нет цены? Вот почему мне трудно подыскать слова.

Мой дед, учитель в хедере, не нашел ничего лучшего, чем с самого детства определить своего старшего сына, моего отца, рассыльным к торговцу селедкой, а младшего — учеником к парикмахеру.

Конечно, в рассыльных отец не остался, но за тридцать два года не пошел дальше рабочего.

Он перетаскивал огромные бочки, и сердце мое трескалось, как ломкое турецкое печенье, при виде того, как он ворочает эту тяжесть или достает селедки из рассола заочковенными руками. А жирный хозяин стоит рядышком, как чучело.

Одежда отца была вечно забрызгана селедочным рассолом. Блестящие чешуйки так и сыпались во все стороны. Иногда же его лицо, то мертвенно-, то изжелта-бледное, освещалось слабой улыбкой.

Что это была за улыбка! Откуда она бралась?

Отца словно вдувало в дом с улицы, где шныряли темные, осыпанные лунными бликами фигуры прохожих. Так и вижу внезапный блеск его зубов. Они напоминают мне кошачьи, коровьи, все, какие ни на есть.

Отец представляется мне загадочным и грустным. Каким-то непостижимым.

Всегда утомленный, озабоченный, только глаза светятся тихим, серо-голубым светом.

Долговязый и тощий, он возвращался домой в грязной, засаленной рабочей одежде с оттопыренными карманами — из одного торчал лямало-красный платок. И вечер входил в дом вместе с ним.

Из этих карманов он вытаскивал пригоршни пирожков и засахаренных груш. И бурой, жилис-

той рукой раздавал их нам, детям. Нам же эти лакомства казались куда соблазнительней и слаще, чем если бы мы сами брали их со стола.

А если нам не доставалось пирожков и груш из отцовских карманов, то вечер был бесцветным.

Я один понимал отца, плоть от плоти своего народа, взволнованно-молчаливую, поэтическую душу.

До самых последних лет жизни, пока не «сбесились» цены, он получал каких-то двадцать рублей. Скучные чаевые от покупателей не много прибавляли к этому жалкому доходу. И все-таки даже в молодости он не был совсем уж бедным женихом.

Судя по фотографиям тех лет и по моим собственным воспоминаниям о семейном гардеробе, он был не только физически крепок, но и не нищ: невесте, совсем девочке, крохотного росточка — она подросла еще и после свадьбы, — смог преподнести богатую шаль.

Женившись, он перестал отдавать жалованье отцу и зажил своим домом.

Однако прежде надо бы закончить портрет моего длиннобородого деда. Не знаю, долго ли он учительствовал. Говорят, он пользовался всеобщим уважением.

Когда в последний раз, лет десять назад, я вместе с бабушкой был на его могиле, то, глядя на надгробие, лишний раз убедился, что он и впрямь был человеком почтенным. Безупречным, святым человеком.

Он похоронен близ мутной быстрой речки, от которой кладбище отделяла почерневшая изгородь.

Под холмиком, рядом с другими «праведниками», лежащими здесь с незапамятных времен.

Буквы на плите почти стерлись, но еще можно различить древнееврейскую надпись: «Здесь покоится...»

Бабушка говорила, указывая на плиту: «Вот могила твоего деда, отца твоего отца и моего первого мужа».

Плакать она не умела, только перебирала губами, шептала: не то разговаривала сама с собой, не то молилась. Я слушал, как она причитает, склонившись перед камнем и холмиком, как перед самим дедом; будто говорит вглубь земли или в шкаф, где лежит навеки запертый предмет:

«Молись за нас, Давид, прошу тебя. Это я, твоя Башева. Молись за своего больного сына Шатю, за бедного Зюсю, за их детей. Молись, чтобы они всегда были чисты перед Богом и людьми».

С бабушкой мне всегда было проще. Невысокая, щуплая, она вся состояла из платка, юбки до полу да морщинистого личика.

Ростом чуть больше метра.

А вся душа заполнена преданностью любимым деткам да молитвами.

Овдовев, она, с благословения раввина, вышла замуж за моего второго деда, тоже вдовца, отца моей матери. Ее муж и его жена умерли в тот год, когда поженились мои родители. Семейный престол перешел к маме.

СЕРДЦЕ МОЕ ВСЕГДА СЖИМАЕТСЯ, когда во сне увижу матушкину могилу или вдруг вспомню: нынче день ее смерти.

Словно снова вижу тебя, мама.

Ты тихонько идешь ко мне, так медленно, что хочется тебе помочь. И улыбаешься, совсем как я. Она моя, эта улыбка.

Мама родилась в Лиозно, это там я написал дом священника, перед домом — забор, перед забором — свиньи.

Вот и хозяин: поп или как его там. Крест на груди сияет, поп улыбается мне, сейчас благословит. На ходу поглаживает себя по бедрам. Свиньи, как собачки, бегут ему навстречу.

Мама — старшая дочь деда. Полжизни он провёл на печке, четверть — в синагоге, остальное время — на бойне. Бабушка не выдержала его праздности и умерла совсем молодой.

Тогда дед зашевелился. Как растревоженная корова или теленок.

Правда ли, что мама была невзрачной коротышкой?

Дескать, отец женился на ней не глядя. Да нет.

У нее был дар слова, большая редкость в бедном предместье, мы знали и ценили это.

Однако к чему расхваливать маму, которой давно уж нет на свете! Да и что я скажу?

Не говорить, а рыдать хочется.

Туда, к воротам кладбища, влечет меня. Легче пламени, легче облачка лечу туда, чтобы выплакаться.

Внизу река, где-то вдали мостик, а прямо передо мной — погост, место вечного упокоения, могила.

Здесь моя душа. Здесь и ищите меня, вот я, мои картины, мои истоки. Печаль, печаль моя!

Что ж, вот он, мамин портрет.

Или мой, все равно. Не я ли это? Кто я?

Улыбнись, удивись, усмехнись, прохожий.

Озеро скорби, ранняя седина, глаза — обитель слез, душа почти неосятима, разум почти заглох.

Так что же в ней было?

Она ведет хозяйство, руководит отцом, все время затевая какие-то стройки и пристройки, открывает бакалейную торговлю и берет целый фургон това-

ра в кредит, не заплатив ни копейки. Где взять слова, чтобы описать, как она подолгу с застывшей улыбкой сидит перед дверью или за столом, поджидая, не зайдет ли кто-нибудь из соседей, чтобы отвести душу, страдающую от вынужденного молчания?

По вечерам, когда лавка закрывалась и прибежали с улицы дети, дом затихал: вот, сторбившись, сидит у стола отец, застыл огонь в лампе, чинно молчат стулья; даже снаружи — ни признака жизни: есть ли еще на свете небо? куда делась природа? — и все не потому, что мы старались не шуметь, а просто наступало оцепенение. Мама сидела около печи, положив одну руку на стол, другую — себе на живот.

Голову ее венчала высокая прическа, укрепленная заколкой.

Она постукивала пальцем по клеенке, еще и еще раз, словно говоря:

«Все уснули. Ну что за дети у меня! Не с кем поговорить».

Поговорить она любила. Умела так подобрать, так сплести слова, что собеседник только диву давался да растерянно улыбался.

Не меняя позы, почти не открывая рта и не шевеля губами, не поворачивая головы в остроконечной прическе, с величием королевы, она вещала, спрашивала или молчала.

Но рядом никого. Только я слушал ее, и то вполуха.

«Поговори со мной, сынок», — просила она.

Я — мальчуган, она — королева. О чем нам говорить?

Сердитый палец стучит по столу все чаще.

И дом погружается в уныние.

В пятницу вечером, в канун субботы, неизменно наступала минута, когда отец, на середине молитвы — всегда в одном и том же месте, — засыпал (я на коленях перед тобой, папочка!), и тогда мама с опечаленным взглядом говорила своим восьмерым детям: «Давайте, дети, споем песнь раввина, помогите мне!»

Дети принимались петь, но тоже скоро засыпали. Мама принималась плакать, а я ворчал:

«Ну вот, ты опять, никогда больше не буду петь».

Я хочу сказать, что весь мой талант таился в ней, в моей матери, и все, кроме ее ума, передалось мне.

Вот она подходит к моей двери (в доме Явичей, со двора).

Стучится и спрашивает:

«Сынок, ты дома? Что делаешь? Белла заходила? Ты не голоден?»

«Посмотри, мама, как тебе нравится?»

Один Господь знает, какими глазами она смотрит на мою картину!

Я жду приговора. И наконец она медленно проносит:

«Да, сынок, я вижу, у тебя есть талант. Но послушай меня, деточка. Может, все-таки лучше тебе стать приказчиком. Мне жаль тебя. С твоими-то плечами. И откуда на нас такая напасть?»

Она была матерью не только нам, но и собственным сестрам. Когда какая-нибудь из них собиралась замуж, именно мама решала, подходящий ли жених. Наводила справки, расспрашивала, взвешивала за и против. Если жених жил в другом городе, ехала туда и, узнав его адрес, отправлялась в лавку напротив и заводила разговор. А вечером даже старалась заглянуть в его окна.

Столько лет прошло с тех пор, как она умерла!

Где ты теперь, мамочка? На небе, на земле? А я здесь, далеко от тебя. Мне было бы легче, будь я к тебе поближе, я бы хоть взглянул на твою могилу, хоть прикоснулся бы к ней.

Ах, мама! Я разучился молиться и все реже и реже плачу.

Но душа моя помнит о нас с тобой, и грустные думы приходят на ум.

Я не прошу тебя молиться за меня. Ты сама знаешь, сколько горестей мне суждено. Скажи мне, мамочка, утешит ли тебя моя любовь, там, где ты сейчас: на том свете, в раю, на небесах?

Смогу ли дотянуться до тебя словами, обласкать тебя их тихой нежностью?

РЯДОМ С МАМОЙ НА КЛАДБИЩЕ покоятся другие женщины, из Могилева или Лиозно. Упокоились чьи-то сердца. Они разорвались от горя, от болезней. Я-то знаю. Все дело в сердце, из-за него скончалась молодой моя румяная бабушка, изнурившая себя работой, пока дед просиживал целыми днями в синагоге или на печке.

Добрейшее сердце ее остановилось в первое полнолуние нового года, после поста Судного дня.

А ты, мой милый нестареющий дед!

Как я любил приезжать в Лиозно, в твой дом, пропахший высохшими коровьими шкурами! Бараньи мне тоже нравились. Вся твоя амуниция висела обычно при входе, у самой двери: вешалка с одеждой, шляпами, кнутом и всем прочим смотрелась на фоне серой стенки, как какая-то фигура — никак не разгляжу ее толком. И все это — мой дедушка.

В хлеву стоит корова с раздутым брюхом и смотрит упрямым взглядом.

Дедушка подходит к ней и говорит:

«Эй, послушай, давай-ка свяжем тебе ноги, ведь нужен товар, нужно мясо, понимаешь?»

Корова с тяжким вздохом валится на землю.

Я тяну к ней руки, обнимаю морду, шепчу ей в ухо: пусть не думает, я не стану есть ее мясо; что же еще я мог?

Корова слышит шорох колосьев, видит синее небо над забором.

Но мясник, весь в черном и белом, уже взял нож и закатывает рукава. Скороговоркой бормочет молитву и, запрокинув голову корове, взрезает ей горло.

Кровь так и хлещет.

Сбегаются собаки, куры и покорно ждут, не достанется ли и им капельки крови, не перепадет ли кусочек мяса.

Слышно только, как они тихо кудахчут, переступают лапами да дед вздыхает, копошась в крови и жире.

А ты, коровка, ободранная, распятая и воздетая, — ты гредишь. Сияющий нож вознес тебя над землей.

Тишина.

Дед отделяет потроха, разделяет тушу на куски. Падает шкура.

Розовое мясо сочится кровью. Пар валит от него.

Вот это ремесло у человека!

Мясо само просится в рот.

И так каждый день: резали по две, по три коровы, местный помещик да и простые обыватели получали свежую говядину.

Для меня дедов дом был полон звуков и запахов искусства.

Повсюду, как белье для просушки, были развешаны шкуры.

Ночью в темноте мне чудилось, что не только запах, но и сами коровы здесь, в доме: чудесное стадо, возносящееся на небо сквозь крышу.

Коров убивали жестоко. Но я все прощал. Распятые, точно мученики, шкуры смиренно обращали к небу-потолку молитву об отпущении грехов убийцам.

Бабушка всегда кормила меня как-то по-особому приготовленным — жареным, печеным или вареным — мясом. Каким? Не знаю толком. Может, это была брюшина, или шея, или ребра, а может, печенка, легкие. Не знаю.

Словом, в то время я был страшно глупым и, кажется, счастливым.

Вот что еще я помню о тебе, дедушка.

Как-то раз дед наткнулся на рисунок, изображавший обнаженную женщину, и отвернулся, как будто это его не касалось, как будто звезда упала на базарную площадь и никто не знал, что с ней делать.

Тогда я понял, что дедушка, так же как моя морщинистая бабуля и вообще все домашние, просто-напросто не принимал всерьез мое художество (какое же художество, если даже непохоже!) и куда выше ценил хорошее мясо.

А еще мама рассказывала мне о своем отце, моем дедушке из Лиозно. Или, может, мне это приснилось.

Был праздник: Суккот или Симхас-Тора.

Деда ищут, он пропал.

Где, да где же он?

Оказывается, забрался на крышу, уселся на трубу и грыз морковку, наслаждаясь хорошей погодкой. Чудная картина.

Пусть кто хочет с восторгом и облегчением находит в невинных причудах моих родных ключ к моим картинам.

Меня это мало волнует! Пожалуйста, любезные соотечественники, сколько душе угодно!

Если потомкам не хватает доказательств того, что вы правы и я не в ладах со здравым смыслом, послушайте, что еще рассказывала мама о моих чудаковатых родственниках из Лиозно.

Кто-то из них вздумал однажды прогуляться по городу в одной сорочке.

Ну и что? Разве это так страшно?

Только представлю этого санкюлота, и солнечным весельем наполняется душа. Как будто улица Лиозно вдруг превратилась в творение Мазаччо или Пьеро делла Франческа. Я бы и сам пошел с ним рядом.

Впрочем, я не шучу. Если мое искусство не играло никакой роли в жизни моих родных, то их жизнь и их поступки, напротив, сильно повлияли на мое искусство.

Знали бы вы, как я млел от восторга, стоя в синагоге рядом с дедом.

Сколько мне, бедному, приходилось проталкиваться, прежде чем я мог туда добраться! И наконец я здесь, лицом к окну, с раскрытым молитвенником в руках, и могу любоваться видом местечка в субботний день.

Синева неба под молитвенный гул казалась гуще. Дома мирно парили в пространстве. И каждый прохожий как на ладони.

Начинается богослужение, и деда приглашают прочитать молитву перед алтарем. Он молится, поет, выводит сложную мелодию с повторами. И в сердце у меня словно крутится колесико под масляной струей. Или словно растекается по жилам свежий сотовый мед.

Когда же он плачет, я вспоминаю свой неоконченный рисунок и думаю: стану ли я великим художником?

Чуть не забыл упомянуть тебя, дядюшка Нех. Мы ездили с тобой по деревням за скотом на убой. Как я радовался, если ты соглашался посадить меня в свою колымагу!

Худо-бедно, она ехала. Зато было на что поглядеть по сторонам.

Дорога, дорога, слоистый песчаник, дядя Нех сопит и погоняет лошадей: «Но! Но!»

На обратном пути я решаю проявить изобретательность и ловкость и тяну корову за хвост, упрямившая ее не отставать. Когда мы переезжаем бревенчатый мостик, в животе будто подпрыгивают деревянные котлеты. И стук колес здесь другой.

Дядя правит, не глядя на речку с камышами, кладбищенскую ограду вдоль берега, мельницу; торчащую вдаль церквушку, единственную на всю округу, лавчонки на базарной площади, куда мы въезжаем, когда уже темнеет, и бог знает что творится у меня на душе.

Все торгуют, за прилавками сидят девушки.

Ничего не понимаю.

Едва завидев, они улыбаются, окликают меня из своих лавок. У меня пышные кудри. Мне суют рогастики, конфеты. Такой парнишка пропадает зря. Ну чем я виноват? Не могу же я разорваться?

Я бы предпочел написать портреты моих сестер и брата красками.

Охотно соблазнился бы гармонией их кожи и волос, так бы и набросился на них, опьяняя холст и зрителей буйством моей тысячелетней палитры!

Но описать их словами! Попробую разве что дать хоть какое-то представление о тетушках. У одной был длинный нос, доброе сердце и дюжина детей, у другой — нос покороче и полдюжины детей, но больше их всех она любила самое себя — а что такого? У третьей нос как на портретах Моралеса и трое детей: зайка, глухой и еще неизвестно какой — совсем младенец.

Тетя Марьяся была самой бледной. Ей, такой чахлой, было не место на городской окраине.

Напротив ее дома лавка, там вечно толкуются мужики.

Торгуют селедками из бочек, овсом, остроконечными сахарными головами, мукой, свечами в синих обертках.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

МАРК ШАГАЛ
МОЯ ЖИЗНЬ

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 17.02.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 9,87. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге,
191123, Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А,
Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы,
191123, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, А лит.,
Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде баспа шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуу туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

A-NFA-28647-05-R